

Артур Конан Дойл

Его прощальный поклон

Часть сборника
Собрание повестей и рассказов
о Шерлоке Холмсе в
одном томе

Его прощальный поклон

Артур Конан Дойл

Его прощальный поклон

«ЭКСМО»

1917

Дойл А.

Его прощальный поклон / А. Дойл — «Эксмо», 1917 — (Его прощальный поклон)

ISBN 978-5-699-52437-2

«Было девять часов вечера второго августа — самого страшного августа во всей истории человечества. Казалось, на землю, погрязшую в скверне, уже обрушилось божье проклятие — царило пугающее затишье, и душный, неподвижный воздух был полон томительного ожидания. Солнце давно село, но далеко на западе, у самого горизонта, рдело, словно разверстая рана, кроваво-красное пятно. Вверху ярко сверкали звезды, внизу поблескивали в бухте корабельные огни. На садовой дорожке у каменной ограды беседовали два немца — личности примечательные: за их спиной стоял дом, длинный, приземистый, со множеством фронтонов во все стороны. Немцы смотрели на широкую гладь берега у подножия величественного мелового утеса, на который четыре года назад опустился, как перелетный орел, господин фон Борк, один из собеседников. Они говорили вполголоса, тесно сблизив головы. Горящие кончики их сигар снизу можно было принять за огненные глаза выглядывающего из тьмы злого демона, исчадия ада...»

ISBN 978-5-699-52437-2

© Дойл А., 1917
© Эксмо, 1917

Артур Конан Дойл Его прощальный поклон

Было девять часов вечера второго августа – самого страшного августа во всей истории человечества. Казалось, на землю, погрязшую в скверне, уже обрушилось божье проклятие – царило пугающее затишье, и душный, неподвижный воздух был полон томительного ожидания. Солнце давно село, но далеко на западе, у самого горизонта, рдело, словно разверстая рана, кроваво-красное пятно. Вверху ярко сверкали звезды, внизу поблескивали в бухте корабельные огни. На садовой дорожке у каменной ограды беседовали два немца – личности примечательные: за их спиной стоял дом, длинный, приземистый, со множеством фронтонов во все стороны. Немцы смотрели на широкую гладь берега у подножия величественного мелового утеса, на который четыре года назад опустился, как перелетный орел, господин фон Борк, один из собеседников. Они говорили вполголоса, тесно сблизив головы. Горящие кончики их сигар снизу можно было принять за огненные глаза выглядывающего из тьмы злого демона, исчадия ада.

Незаурядная особа этот фон Борк. Среди всех преданных кайзеру агентов второго такого не сыщешь. Именно благодаря его редким талантам ему доверили «английскую миссию», самую ответственную, и начиная с момента, когда он приступил к ее выполнению, таланты эти раскрывались все ярче, чему свидетелями было человек пять посвященных. Одним из этой пятерки был стоявший сейчас рядом с ним барон фон Херлинг, первый секретарь посольства; его громадный, в сто лошадиных сил, «Бенц» загородил собой деревенский проулок в ожидании, когда надо будет умчать хозяина обратно в Лондон.

– Судя по тому, как разворачиваются события, к концу недели вы, вероятно, уже будете в Берлине, – сказал секретарь. – Прием, который вам там готовят, дорогой мой фон Борк, поразит вас. Мне известно, как высоко расценивают в высоких сферах вашу деятельность в этой стране.

Секретарь был солидный, серьезный мужчина, рослый, широкоплечий, говорил размежевенно и веско, что и послужило ему главным козырем в его дипломатической карьере.

Фон Борк рассмеялся.

– Их не так уж трудно провести, – заметил он. – Невозможно вообразить людей более покладистых и простодушных.

– Не знаю, не знаю, – проговорил его собеседник задумчиво. – В них есть черта, за которую не переступишь, и это надо помнить. Именно внешнее простодушие является ловушкой для иностранца. Первое впечатление всегда такое – на редкость мягкие люди, и вдруг натыкаешься на что-то очень твердое, решительное. И видишь, что это предел, дальше проникнуть невозможно. Нельзя не учитывать этот факт, к нему надо приоравливаться. Например, у них есть свои, только им присущие условности, с которыми просто необходимо считаться.

– Вы имеете в виду «хороший тон» и тому подобное?

Фон Борк вздохнул, как человек, много от того пострадавший.

– Я имею в виду типичные британские условности во всех их своеобразных формах. Для примера могу рассказать историю, происшедшую со мной, когда я совершил ужасный ляпсус. Я могу позволить себе говорить о своих промахах, вы достаточно хорошо осведомлены о моей работе и знаете, насколько она успешна. Случилось это в первый мой приезд сюда. Я был приглашен на уикенд в загородный дом члена кабинета министров. Разговоры велись крайне неосторожные.

Фон Борк кивнул.

– Я бывал там, – сказал он сухо.

– Разумеется. Так вот, я, естественно, послал резюме своих наблюдений в Берлин. К несчастью, наш милейший канцлер не всегда достаточно тактичен в делах подобного рода. Он обронил замечание, показавшее, что ему известно, о чем именно шли разговоры. Проследить источник информации было, конечно, нетрудно. Вы даже представить себе не можете, как это мне навредило. Куда вдруг девалась мягкость наших английских хозяев! Ее как не бывало. Понадобилось два года, чтобы все улеглось. Вот вы, разыгрывая из себя спортсмена...

– Нет, нет, это совсем не так. Игра – значит что-то нарочитое, искусственное. А у меня все вполне естественно, я прирожденный спортсмен. Я обожаю спорт.

– Ну что ж, оттого ваша деятельность только эффективнее. Вместе с ними вы участвуете в парусных гонках, охотитесь, играете в поло – не отстаете ни в чем. Ваш выезд четверкой берет призы в Олимпии. Я слышал, что вы даже занимаетесь боксом вместе с молодыми английскими офицерами. И в результате? В результате никто не принимает вас всерьез. Кто вы? «Славный малый», «для немца человек вполне приличный», выпивоха, завсегдатайочных клубов – веселый, беспечный молодой бездельник. Кому придет в голову, что ваш тихий загородный дом – центр, откуда исходит половина всех бед английского королевства, и что помешник-спортсмен – опытный агент, самый ловкий и умелый во всей Европе? Вы гений, дорогой мой фон Борк, гений!

– Вы мне льстите, барон. Но я действительно могу сказать о себе, что провел четыре года в этой стране не зря. Я никогда не показывал вам мой маленький тайник? Быть может, зайдем на минутку в дом?

Кабинет выходил прямо на террасу. Фон Борк толкнул дверь и, пройдя вперед, щелкнул электрическим выключателем. Потом прикрыл дверь за двигающейся следом массивной фигурой фон Херлинга и тщательно задернул тяжелую оконную штору. Лишь приняв все меры предосторожности, он повернулся к гостю свое загорелое, с острыми чертами лицо.

– Часть моих бумаг уже переправлена, – сказал он. – Наименее важные взяла с собой жена, вчера она вместе со всеми домочадцами отбыла в Флиссинген. Рассчитываю, что охрану остального возьмет на себя посольство.

– Ваше имя уже включено в список личного состава. Все пройдет гладко, никаких затруднений ни в отношении вас, ни вашего багажа. Конечно, как знать, быть может, нами не понадобится уезжать, если Англия предоставит Францию ее собственной участии. Нам достоверно известно, что никакого взаимообязывающего договора между ними нет.

– Ну, а Бельгия?

– И в отношении Бельгии то же самое.

Фон Борк покачал головой:

– Едва ли. Ведь с ней договор, безусловно, существует. Нет, от такого позора Англия тогда вовек не оправится.

– По крайней мере у нее будет временная передышка.

– Но честь страны...

– Э, дорогой мой, мы живем в век утилитаризма. Честь – понятие средневековое. Кроме того, Англия не готова. Это просто уму не постижимо, но даже наше специальное военное налогообложение в пятьдесят миллионов, цель которого уж кажется так ясна, как если бы мы поместили о том объявление на первой странице «Таймс», не пробудило этих людей от спячки. Время от времени кто-нибудь задает вопрос. На мне лежит обязанность отвечать на такие вопросы. Время от времени вспыхивает недовольство. Я должен успокаивать, разъяснять. Но что касается самого главного – запасов снаряжения, мер против нападения подводных лодок, производства взрывчатых веществ, – ничего нет, ничего не готово. Как же Англия сможет войти в игру, особенно теперь, когда мы заварили такую адскую кашу из гражданской войны в Ирландии, фурий, разбивающих окна, и еще бог знает чего, чтобы ее мысли были полностью заняты внутренними делами?

– Ей надлежит подумать о своем будущем.

– А, это дело другое. Я полагаю, у нас есть наши собственные, очень определенные планы относительно будущего Англии – ваша информация будет нам тогда крайне необходима. Мистер Джон Буль может выбирать – либо сегодня, либо завтра. Желает, чтобы это было сегодня, – мы к тому готовы. Предпочитает завтрашний день – тем более будем готовы. На мой взгляд, с их стороны благоразумнее сражаться с союзниками, чем в одиночку; но уж это их дело. Эта неделя должна решить судьбу Англии. Но вы говорили о вашем тайнике.

Барон уселся в кресло. Лучи света падали прямо на его широкую лысую макушку. Он невозмутимо попыхивал сигарой.

В дальнем конце просторной комнаты, обшитой дубовой панелью и уставленной рядами книжных полок, висела занавесь. Фон Борк ее отдернул, и фон Херлинг увидел внушительных размеров сейф, окованный медью. Фон Борк снял с часовой цепочки небольшой ключ и после долгих манипуляций над замком распахнул тяжелую дверцу.

– Прошу, – сказал он, жестом приглашая гостя и сам отступая в сторону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.